
ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

И. Л. Набок,
заведующий кафедрой этнокультурологии

ЭТНОНИМ В МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Проблемы межэтнической коммуникации, межнационального общения сегодня не только не потеряли актуальности, но, на наш взгляд, приобрели особую остроту. Немаловажную роль здесь играет и то, что этнологическое, этнографическое знание так и не нашло достойного места в образовательных программах школьного и вузовского образования, но зато попытки «снять» этнические проблемы, проблемы межэтнической коммуникации, как, якобы, противоречащие формированию гражданской, общероссийской идентичности населения становятся одной из политических установок, подкрепляемых «конструктивистски» ориентированными этнополитологами. Параллельно этому в обществе, особенно в молодёжной среде, нарастают «ура-патриотические» настроения, ярче всего выразившиеся в лозунге «Россия для русских!» Спекуляции на реальных и требующих разрешения проблем «русской идентичности», выразившихся и в языковом кризисе, и в постепенной утрате русской литературой и национальной историей (в частности, в результате многочисленных «образовательных реформ») своей духовно формирующей функции, способны только усугубить ситуацию, разрушить и гражданскую идентичность. Сегодня, на наш взгляд, недооценка роли этнологических, этнокультурологических знаний в формировании мировоззренческих установок чревата серьёзными последствиями для состояния российского общества, становящегося поликультурным, многоконфессиональным.

В связи с этим нам представляется чрезвычайно важным обращение к феномену, отражающему некоторые существенные стороны идентичности, процесса идентификации, особенности этнического и языкового сознания и самосознания, формирую-

щиеся в процессе межэтнической коммуникации. Это *этноним* — имя народа. Имя народа формируется и в процессе этногенеза — формирования этнической общности, и в процессе взаимодействия, контактов с другими народами (что также может быть важнейшей стороной этногенеза). Анализ этнонимов в значительной степени позволяет проследить пути этнических миграций, определить особенности культурных и языковых контактов этносов, этнических общностей. Этнонимы, таким образом, несут в себе ценную историческую, этнографическую, культурологическую и лингвистическую информацию.

Этнонимы разделяют на эндоэтнонимы (эндоэтнонимы) и экзоэтнонимы (экзоэтнонимы).

Эндоэтноним — это самоназвание — важнейший компонент этнического самосознания, т. е. то, как себя называет, идентифицирует сам народ. Именно здесь в процессе этногенеза общности и возникает оппозиция «мы и они», связанная с необходимостью для осознания своего единства отделиться от других подобных общностей, даже противопоставиться им. Этноцентризм, с одной стороны, является неизбежным моментом этногенеза и этнического «самоопределения», с другой — может стать основой для агрессивного неприятия другого народа, превознесения исключительности качеств своей этнической общности, ее превосходства над другими, может достичь своей крайней агрессивной формы — шовинизма.

Экзоэтноним, в отличие от эндоэтнонима, — элемент этнического сознания, направленного на «другого», это имя, название, которое дается этносу другим этносом (или этносами). Экзоэтноним в значительно большей степени, чем самоназвание, зависит от

ситуации, от особенностей межэтнической коммуникации, от особенностей восприятия другой культуры, психологической совместимости, географической среды и т. д. Эндонимы у разных народов в значительной степени могут совпадать, так как часто обозначают «человек», «люди», «настоящие люди» — понятия, на разных языках звучащие по-разному. Таковы, например, самоназвания «ненцы», «нивхи», «нанайцы» (коренные малочисленные народы Севера и Дальнего Востока); «айны» (древний коренной народ Японских островов); «инуиты» (древний северный народ, живущий в Канаде, на Аляске, на крайнем Северо-Востоке России). Экзонимы, как мы уже отмечали, носят ситуативный характер и могут отражать какие-либо территориальные и географические особенности и признаки, особенности культуры, обычаев, неприемлемые, непонятные для другого народа, особенности истории народа и его контактов с другими народами, характер межэтнической коммуникации. Приведем примеры. Уже упомянутые нами инуиты в России более известны под именем «эскимосы» — именем, данным инуитам их соседями — северными индейцами племени кри и означающем: «те, кто ест гнилое мясо». Основанием стал элемент традиционной кухни, связанный с особым способом приготовления мяса (его специальным образом «подкисают» для выработки тех же нужных организму веществ, которые в Европе содержат так называемые «кисломолочные» продукты). Индейский народ группы сиу в США, имеющий самоназвание «паходже», т. е. «покрытые снегом», получил экзонимы «айова» («спинной мозг»), «нез-персе» («проколотые носы»). А имя «кильясинга», применявшиеся в XVI—XVII вв. к разным народам Южной Колумбии, явно связано по своему происхождению с обычаем, культурной традицией: на языке кечуа оно означает «полумесяц» — по форме подвесок для носа.

Многие экзонимы возникли в результате колонизации Америки, применялись к целым группам племен и отражали особен-

ности взаимоотношений с коренными жителями и отношения между племенами. Так, например, этноним «алгонкины» (так назвали группу индейских народов в Северной Америке, хотя это также имя одного из племен) означает «союзники». Имя индейского племени группы майя в Гватемале «чухи» означает «враги», а другого племени этой группы в Мексике «чоли» или «чоль» — «чужой, дикий». Имя широко известного, в частности, по произведениям Фенимора Купера, племени ирокезов (настолько популярного, что стало также названием панковской прически) на языке уже упомянутых алгонкинов означает «настоящие гадюки», хотя их самоназвание (эндономим) «ходеносауни» означает совсем другое — «люди длинного дома».

Многие этнонимы отражают особенности истории того или иного народа, в частности, связанные с его борьбой за независимость. Так, например, «фризы» («fry») — самоназвание известного народа в Нидерландах и Германии — означает «свободный» и возникло в период упорного сопротивления племени римскому завоеванию в первых веках нашей эры. Чрезвычайно интересно происхождение самоназвания албанцев — «шкиптар», которое происходит от слова «шчип», означающего «говорить понятно». Это самоназвание возникло в результате жесткой дискриминационной политики, осуществившейся в XVI—XVII вв. турками, в результате которой большинство албанцев перешло из христианской веры в ислам. Самоназвание здесь возникло в результате потребности отмежевания от завоевателей, говорящих по-турецки.

Вернемся к народам России. *Чеченцы* и *ингуши* — этнонимы, которые происходят от названия населенных пунктов «Чечен-аул» и «Ангушт». Этноним «чеченцы» в русских документах XVI—XVII вв. еще не встречался. Для обозначения этой общности использовались названия «зумсой», «мерезанские люди», «минкизы», «ококи», «тшанские люди». Название «чеченские люди» использовалось для обозначения общества «чечень», живущего в нижнем

течение реки Аргун. При переписи 1937 г. была введена категория «чечено-ингуши», но в первичных материалах — 18 самоназваний разных групп: ауховцы, ичкиринцы, мизджети, назрановцы, нахчии, нехчи, нохчи, цецен, чечены, ингуши, гликвы, маистеи, махистуи и др. В переписи 1989 г. чеченцев отделили от ингушей. Народ, именуемый «коми-пермяки» («коми» — самоназвание: «коми морт» — коми-человек) получил свое имя в результате контактов с русскими и вепсами (малочисленным народом, так же, как и коми, относящимся к финно-угорской группе). Термин «пермь» («пермяне») скорее всего заимствовали у вепсов: по-вепски «пера маа» — «земля, лежащая за рубежом». В древнерусском языке сохранилось название «пермь», которым обозначали несколько областей, территорий. По некоторым данным название «пермь» встречается в тех местах, где находились центры торговли пушниной — именно как с торговцами пушниной впервые и столкнулись русские с этим народом. Поэтому постепенно закрепилось название «пермь», «пермяк», «пермитин», «пермичи», «пермяне» — обозначающие род занятий, которое позже стало этнонимом¹.

Смысл многих этнонимов в истории, в общественном сознании претерпевает серьезные изменения. Л. Н. Гумилев приводит любопытный пример, касающийся овечьего героической романтикой имени *викингов*. Слово «викинг», по его мнению, носило по существу оскорбительный характер, равнозначный «разбойнику», «бродяге». Юношу, который покидал семью и уходил в викинги, оплакивали как погибшего. Викинги — люди, которые не желали жить в племени и подчиняться его законам, своеобразные маргиналы. Л. Н. Гумилев отмечает, что викинги, вопреки многочисленным легендам, не отличались храбростью, «скрывали боязнь битвы, наедаясь опьяняющими мухоморами. В опьянении они были неукротимы...»² Л. Н. Гумилев обращает внимание и на то, что в этнонимах отражается история взаимоотношений народов и этнических групп, чем прежде всего и объ-

ясняются сложные и многократные изменения их смысла. Так, например, историю этнонима «татар» он называет примером «прямого камуфляжа». «До XII в., — отмечает ученый, — это было этническое название группы из тридцати крупных родов, обитавших на берегах Керулэна. В XII в. эта народность усилилась, и китайские географы стали употреблять это название применительно ко всем центральноазиатским кочевникам: тюркоязычным, тунгусоязычным и монголоязычным, в том числе монголам. Когда же Чингис в 1206 г. принял название «монгол» как официальное для своих подданных, то соседи по привычке некоторое время продолжали называть монголов татарами. В таком виде слово «татар», как синоним слова «монгол», попало в Восточную Европу и привилось в Поволжье, где местное население в знак лояльности к хану Золотой Орды стало называть себя татарами. Зато первоначальные носители этого имени — кераиты, найманы, ойраты и татары — стали именовать себя монголами. Таким образом, названия поменялись местами. В это время и возникла научная терминология, когда татарский антропологический тип стали называть «монголоидным», а язык поволжских тюрк-кыпчаков — татарским языком. Иными словами, мы даже в науке употребляем заведомо закамouflированную терминологию»³.

Достаточно сложным и неоднозначным можно считать происхождение этнонима «русский». Эта тема до сих пор является в этнографии, исторической науке дискуссионной, что связано прежде всего со сложностью процессов складывания русской государственности, взаимоотношений славянских племен. Русское государство складывалось как государство полиэтничное, в этом процессе наряду с основным, базовым славянским этносом участвовали финноугорская, балтская, тюркская этнические общности, а также другие славянские этнические группы. Эта характерная черта этнической истории русского народа прослеживается историками с IX—X вв. «Сложный институционно-этнический сплав, в

условиях которого развивалась древнерусская / российская государственность, оказывавшая влияние на формирование этнического самосознания восточных славян (и обратно!), — пишет известный отечественный этнограф А. С. Мыльников, — и обусловил полисемантическую емкость термина “русские” / “русский”. Это был естественный ответ на вопрос: не “кто”, а “чьи”, “чей”? Отсюда проистекало и уникальное словосочетание в единственном числе именительного падежа: “русский человек”. Просто потому, что термин этот только этническим содержанием не исчерпывался. Одновременно он обозначал государственную принадлежность (подданство) своего носителя, то есть выполнял функцию политонима⁴.

Здесь есть и еще один важный фактор — религиозный (конфессиональный). В достаточно сложной ситуации становления русской государственности, осложнявшейся многочисленными и военными противостояниями, нередко *конфессиональная принадлежность* отождествлялась с *принадлежностью этнической*. Так, среди белорусов и украинцев православие именовалось «русской верой» (в противоположность «польской» католической вере) и поэтому принять православие означало «стать русским».

Такое «переплетение идентичностей» оказалось характерной особенностью исторического становления многосоставного славянского мира, оно непосредственно связано со сложностями этнотерриториального структурирования восточнославянских племен. А. С. Мыльников отмечает, что «основные этнонимы, с помощью которых авторы XVI—начала XVIII в. осуществляли избирательную маркировку славянских этносов, включали три взаимосвязанные структурные компонента: *этнический* (этническое название), *государственно-политический* (политоним) и *религиозный* (конфессиональный)»⁵. Добавим к этому, что в некоторых регионах России этноним «русский» в XVIII—XIX вв. выполнял иногда даже роль «соционима», т. е. им обозначалась социальная статусность человека, принад-

лежность его к среднеобеспеченным слоям общества. Что же касается уже упомянутой выше необычной «прилагательной» формы этнонима «русский» (не кто, а чей), то некоторые исследователи указывает на то, что это не может считаться исключением. Так, например, О. Трубачев обращает внимание на то, что аналогом этнонима «русский» («русский человек») вполне можно считать английские термины «Englishman» («англичанин») и «Englishwoman» («англичанка»)». ⁶

Очень важно то, что с помощью этнонимов происходит не только идентификация своего собственного народа, но и противопоставление его другому. Здесь большую роль играла языковая идентификация. Так, известно, что этноним «словене» обозначал людей, владеющих членораздельной речью. Для обозначения неславянских народов наибольшее распространение получили два этнонима — «чудь» и «немец». Первым из них, прежде всего, обозначались финно-угорские народы, платившие дань Русскому государству, а второй использовался для обозначения не говорящих по-русски (т. е. «немых») европейцев. В современной литературе часто приводится такой факт, касающийся одного сохранившегося документа 1588 г., в котором содержится следующее определение этнонима «немец»: «Английские, барабрнские, венецкие, галанские, датские, каянские, курляндские, прусские, свейские, французские, шкоцкие, щранские немцы». А в другом документе, относящемся к XVII в., утверждается, что «Италия — страна латинска, близ Рима, а живут в ней мудрии немцы».

Следует отметить, что западноевропейцы только в XVIII в. стали по-настоящему открывать для себя загадочную «Московию», познавать удивительную и бескрайнюю Россию, хотя к этому моменту контакты были уже достаточно широки. О том, на каком уровне в XVI в. находились представления о русском народе, свидетельствует, например, сделанная неизвестным автором и опубликованная только в XVIII в. таблица, озаглавленная «Краткое описание находящихся в Европе народов и их свойств». Это,

очевидно, первый в истории «свод этнических стереотипов», находящийся в Венском естественно-историческом музее. Свойства различных народов в этом документе расписаны по определенным рубрикам, отражающим, очевидно, наиболее существенные признаки любого народа (своеобразная морфология национальной культуры). Русский человек здесь охарактеризован следующим нелицеприятным и крайне тенденциозным образом: «Обычай — злодейские; разум — никакого; проявления этих свойств — невоздержанные; наука — на греческом языке; одежда — шубы; пороки — коварство; любви — к кулачному бою; болезни — дифтерит; облик страны — наполненная льдами; воинские добродетели — с усилием: богослужение — схизма; пристрастия — к пчелам; времяпрепровождение — сон; сравнение с животными — осел; окончание жизненного пути — в снегу». Автор — представитель европейского «ученого мира», очевидно, не очень задумывался о достоверности и адекватности своих «описаний». Следует отметить, что после принятия православия этноним «русский» отождествлялся, как мы уже отмечали, с конфессионимом «православный». Но начиная с реформ Петра, который отождествлял «русского человека» с имперским служащим — подданным, началось размывание жесткой этноконфессиональной взаимосвязи: этнорелигиозная идентичность уступила место имперской. В дореволюционной России население делилось на русских и «иностранцев» (нерусских), т. е. российских подданных иного этнического происхождения. Россиянам же противопоставлялись «иностранцы», «иноземцы», «чужеземцы». При этом государственная внутренняя политика отличалась значительной веротерпимостью, толерантностью.

С точки зрения развития этнической идентификации нельзя не учитывать чрезвычайную распространенность в повседневной речевой коммуникативной практике еще одного вида этнонимов, точнее, экзонимов. Эти экзонимы носят неприятный, даже оскорбительный характер, отражают неприязненное отношение к представите-

лям данного народа. В научной литературе такие экзонимы получили название «экспрессивных», или «нисходящих»⁷. История знает множество примеров распространения таких презрительных этнонимов-кличек. Так, например, в Испании евреев, принявших христианство (т. е. «выкрестов»), презрительно именовали «мараны» (от испанского «свиньи»). На уровне обыденного сознания, в повседневной общественной практике распространение таких экзонимов свидетельствует, как правило, об отсутствии толерантности — терпимого отношения к представителям другого этноса, нации, о низкой уровне культуры межэтнического общения. Так появились «жиды», «ляхи», «чухонцы», «чурки», «чучмеки», «макаронники», «колбасники» и «лягушатники». Иногда этнонимы-клички имеют вид своеобразной незатейливой антропологической «маркировки» — «ниггер», «косоглазый», «бледнолицый».

«Нисходящие» этнонимы бывают часто связаны с одним из фольклорных жанров — так называемыми этническими анекдотами. Интересно, что один из главных героев таких анекдотов — чукча — экзоэтноним (выступающий в роли официального этнонима) в обыденном общении берет на себя нагрузку представлять едва ли ни все северные народы. Центральная тема «анекдотов о чукчах» — тема глупости — не только оскорбительна для этого талантливого и одного из самых древних народов России, но отражает, прежде всего, увы, массовую этнографическую безграмотность населения, в большинстве своем не знакомого с историей, особенностями менталитета и богатейшими культурами коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока⁸.

Важно то, что при использовании указанных «нисходящих» этнонимов-кличек характеристики и оценки поведения отдельно взятого индивида переносятся на всю этническую общность, на весь народ. Так, преобладание представителей азербайджанского народа на рынках некоторых российских мегаполисов нередко приводит к формиро-

ванию отрицательного отношения к самому этнониму «азербайджанец», порождая соответствующие и всем известные презрительные бытовые экзонимы («азер», «хачик» и т. п.) и, тем самым, подспудно формируя неадекватное отношение к целому народу, с его древней и самобытной культурой. Особая проблема — участие в этом процессе средств массовой информации, сила и манипулятивные возможности которых сегодня все более возрастают. Употребление и распространение «экспрессивных этнонимов» — важнейший показатель уровня культуры межэтнических, межнациональ-

ных отношений в обществе. В ситуации нарастающих миграционных процессов, буквально захлестывающих российские мегаполисы, это становится существенным фактором, формирующим общественное сознание, нравственный климат в обществе, и поэтому заслуживает особого внимания, требует специального изучения. И уж, конечно, этнокоммуникационная компетентность становится важнейшим показателем уровня профессиональной педагогической культуры, должна стать существенным компонентом профессиональной подготовки современного педагога⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом подробнее: Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 200.
2. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 245.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 77—78.
4. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI—XVIII веков. СПб., 1999. С. 76.
5. Там же.
6. См.: Трубачев О. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 2-е изд., доп. М., 1997. С. 266.
7. В западноевропейской литературе их принято именовать «этнофолизмы», что по-гречески означает «дурные, ничтожные народы» (!). Первый словарь «этнофолизмов» на основе 20 языков был издан в Кембридже в 1944 г. См. также: Николина Н. А., Граценок А. И. Экспрессивные этнонимы как приметы вражды // Язык вражды и язык согласия. Екатеринбург, 2006.
8. Существует гипотеза, что выбор в качестве объекта анекдотов среди почти 40 малочисленных народов именно чукчей связан не только со звучанием этого слова, но и со своеобразной «исторической обидой»: чукчи, во-первых, возможно, менее всех малочисленных народов Севера поддались христианизации, сохраняя элементы шаманских верований; во-вторых, в процессах колонизации Северо-Восточной Сибири так и не были «сломлены» военным путем, но присоединены позже с использованием экономических, юридических и «психологических» мер (в частности, с предоставлением льгот, освобождения от налогов, и не без традиционного использования разрушительного фактора «огненной воды»). Об истории военных операций против чукчей, об истории «усмирения» этого народа подробнее см.: Нефедкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб., 2003.
9. См. об этом подробнее: Набок И. Л. Педагогика межнационального общения. М.: Издательский центр «Академия», 2010.